

УДК 1(091)

А.В. Виноградов¹, Н.Н. Зайцев²

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
ИДЕОЛОГАМИ ФАШИЗМА**

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

A.V. Vinogradov, N. N. Zaytsev

**INTERPRETATION OF GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY
BY IDEOLOGISTS OF FASCISM**

Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev troops of the National Guard of the Russian Federation

Аннотация. В статье авторы рассматривают проблему фашистской интерпретации немецкой классической философии И. Канта и Г. Гегеля. В статье показано как идеологи фашизма пытаются использовать идеи соотечественников в интересах пропаганды национализма и шовинизма. Давая оценку немецкой философии фашисты преподносят её как самобытное, оригинальное творение германского духа, испорченное «выродками из других рас». Они отрицают преемственность и внутренние связи в истории философии, ведут борьбу против рационализма, в частности преподносят немецкий классический идеализм как одну из форм мистицизма и иррационализма.

Ключевые слова: немецкая классическая философия, рационализм, мистицизм, иррационализм, фашизм, ложь.

Annotation. In the article, the authors consider the problem of the fascist interpretation of the German classical philosophy of I. Kant and G. Hegel. The article shows how the ideologists of fascism are trying to use the ideas of compatriots in the interests of promoting nationalism and chauvinism. Assessing German philosophy, the Nazis present it as an original, original creation of the German spirit, spoiled by "geeks from other races." They deny the continuity and internal connections in the history of philosophy, are fighting against rationalism, in particular, they present German classical idealism as one of the forms of mysticism and irrationalism.

¹ Виноградов Андрей Васильевич – канд. ист. наук, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

² Зайцев Николай Николаевич – канд. пед. наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

Key words: German classical philosophy, rationalism, mysticism, irrationalism, fascism, lie.

«Теоретики» так называемого «национал-социалистского мировоззрения» осознанно искажали подлинный облик отдельных представителей классического идеализма, чтобы сделать их «приемлемыми» для фашизма. Чрезвычайно характерна при этом разногласица, отражающая внутренние противоречия в лагере фашизма. Идеологи Третьего рейха никак не могут сговориться, как должен выглядеть унифицированный Кант, как должны выглядеть унифицированные Фихте и Гегель, что «принять» и что «отвергнуть». Альфред Розенберг приемлет из Канта априоризм, субъективизм и кантовский дуализм – деление мира на мир вещей в себе и мир явлений. Но Кант – идеолог либерализма, он под влиянием идей эпохи Просвещения. Эта сторона в Канте конечно для Розенберга неприемлема. Неприемлемы для него, и кантовская идея вечного мира народов и пацифистские идеи. В отношении к Гегелю обнаруживается еще больше разногласицы, разброда. С одной стороны, немецкие неогегельянцы (Кронер, Биндер, Глокнер) всячески размазывают реакционные стороны философии Гегеля, особенно его философию государства и права, доказывая, что Гегель мистик, иррационалист и т. д. Шпанн превозносит гегелевское положение о государстве как «шестивии бога в мире». С другой стороны, расисты, например, Боймлер, доказывают, что Гегель неприемлем как идеолог либерализма, зараженный идеями просвещения [12].

Во всех рассуждениях фашистов сквозь софистику выступает своя логика: заплевать все, что возвышало Канта, Фихте и Гегеля над уровнем крепостнических порядков в Германии и, напротив, увековечить в них все, в чем они сходились и примирались с феодальным мировоззрением и поповщиной во всех ее видах и формах. Философия буржуазного либерализма не может удовлетворить идеолога финансового капитала в эпоху кризиса капитализма. Поэтому фашистская фальсификация философии Канта заключается в том, что из его философии вытравливается все, что было материалистическим, рациональным, прогрессивным, все, что наносило удары по средневековью, все, что имело хоть какое-то отдаленное отношение к эпохе Просвещения.

Той же задаче «преодоления Канта неокантианцев» посвящена статья ректора Кенигсбергского университета Г. Гейзе в центральном теоретическом органе национал-социалистской партии под выразительным заглавием «Кант и мы» Гейзе по-антисемитски возмущается «неарийской» интерпретацией Канта. «История кантовской философии в XIX и XX столетиях – яркий пример того, как немецкий дух под чуждым немецкому народу руководством становится чуждым себе и как в толкованиях Канта подлинно кантовское постепенно заменялось иудейским неокантианством» [16].

Как же выглядит не опошленным иудеями, так сказать, арийский Кант? Препарируемый под арийца, Кант превращается в заурядного иррационалиста и мистика. Дипломированные специалисты препарируют Канта в духе «теории расовых душ», послушно выполняя приказ своего шефа – Альфреда Розенберга.

В Канте, видите ли, борются две расовые души: северная, немецкая, и другая, расово чуждая немецкому духу. Кант уступил второй, расово чуждой душе, жившей в нем, и стал рассматривать человека абстрактно как разумное существо, чрезвычайно много внимания уделил «разуму» и вместо «северной этики как этики борьбы дал нам этику не борьбы, а рабства». Северная же кровь выражена у Канта в учении об абсолютном долге, в абсолютном «ты должен» [15].

Северный дух достиг философского самосознания в лице Канта, существенным делом которого было последовательно проведенное наконец разграничение политики, религии и науки. Религия отныне стала иметь дело только с «царством Божиим внутри нас», подлинная же наука – только с механистской физикой, химией, биологией. В этом критическом разграничении Розенберг видит первую предпосылку для специфической северной культуры.

Это критическое разграничение понадобилось Розенбергу конечно не для того, чтобы объявить борьбу против религии. Наоборот, задача философии, по словам Розенберга, состоит в том, чтобы установить согласие воли и познания, религии и науки. Противореча себе и окончательно запутываясь в собственной лжи, философствующий вдохновитель еврейских погромов подчиняет науку религии и располагает Канта в мировой перспективе по одной линии с индийским Варуной, с греческим Ураном, с отцом богов Зевсом, с богом неба Вотаном и Аполлоном.

Превратив Канта в одного из отпрысков бога Вотана, фашисты не могут обойти молчанием, что Кант каким-то образом причастен к эпохе Просвещения. Но фашистские профессора философии считают, что настало время пересмотреть либерально-буржуазное толкование Канта и по этой линии. Толкование Канта в духе либерализма исторически выводит Канта из немецкого, в конечном счете, следовательно, также из французского и английского, просвещения. Предшествующие интерпретации Канта сходятся на том, что кантовская «Критика чистого разума» теоретически рассматривается как обоснование новейшего естествознания и тем самым современной науки; что Кант закладывает основы этического и политического либерализма; что «философия религии» Канта формируется на почве Реформации, следовательно, и религия получает «рациональное истолкование» [3]. В этом заключается, по мнению ректора Кенигсбергского университета, «опошление» Канта «неарийцами».

Задача «Критики чистого разума», по мнению фашистских историков, ни в коем случае не заключается в том, чтобы продолжить хотя бы в одном каком-либо смысле философию просвещения. Философия просвещения, заявляет Гейзе, состоит в том, что ко всякому явлению подходят с критерием рассудка, подчиняют его разуму, но именно Кант разбивает такое воззрение. Исходя из глубокого сознания «живых расовых сил», Кант, напротив, оспаривает как раз то положение, что всякое бытие и явление должны быть рационально определены. Основная задача философии Канта – преодолеть «просвещение». Кант был и остался иррационалистом, обосновавшим религию на законе нравственности.

Другой представитель фашистской философии, Герман Шварц, развивает те же взгляды. Герман Шварц в отличие от Гейзе признает наличие у Канта сильной струи рационализма, но критикует Канта именно по этой линии. Рассудок у Канта действительно является законодателем природы, писал Шварц, но он оторван от чувства, а это приводит к недооценке душевных сил, что совершенно чуждо германскому духу. В этом он видит слабую сторону Канта. Но и Гейзе, и Шварц хвалят Канта за то, что он не отверг религий. Самым ценным у Канта Шварц считает знаменитый тезис из «Критики чистого разума»: «Я должен был ограничить знание, чтобы очистить место вере». Этот «тезис» был признанием немецкой буржуазии в своей неспособности последовательно бороться с феодальным мировоззрением, это была откровенная защита религии, и именно за это хвалят Канта фашисты, именно это делает в их глазах Канта подлинным арийцем [3, 17].

Кант, правда, потеснил науку, чтобы очистить место вере, но оставил все же место науке и высмеивал духовидцев. Фашистские философы этим недовольны. «Неужели философия одного из подлинных немцев ничего другого не означает кроме оправдания «просвещения», т. е. западного мировоззрения?» – вопрошают с негодованием философствующие на страницах своего центрального теоретического органа. Нет, «немецкий идеализм должен быть связан с немецким социализмом», – заявляет Шварц, подчеркивая особо, что «немецкий социализм» конечно «ничего общего с коммунизмом не имеет». Кантовская этика в изображении Гейзе выглядит прямо как оправдание концентрационного лагеря и казармы, то бишь «прусского социализма». У Канта Гейзе ищет оправдания «прусской казарменной дисциплины, послушания, верности целому» [17].

Немецкий классический идеализм, несмотря на весь радикализм мышления, в специфических немецких условиях всегда оставался непоследовательным, нерешительным выступлением против феодального мировоззрения. И это относится прежде всего к Канту. Но в идейном наследстве великих прогрессивных завоеваний человеческой мысли фашисты отрицают и всячески замалчивают прогрессивную сторону философии Канта. Немецкий народ

выдвинул Канта – просветителя, поднявшего на немецкой почве знамя борьбы против феодальной идеологии. Подчеркивая всю ограниченность и непоследовательность Канта в борьбе с феодальным мировоззрением, рабочий класс разоблачает стремление фашистов использовать именно отражение феодально-крепостнического влияния в философии Канта, чтобы причесать Канта на расистский лад и попытаться историко-философски обосновать возврат к средневековым порядкам [5].

Обратимся теперь к Гегелю. Историческая связь, существовавшая между Гегелем и Марксом, и революционные выводы, которые сделал Маркс из диалектики Гегеля, заставили известную часть философствующих теоретиков фашизма отбросить Гегеля в сторону. Фашистская концепция истории философии не может примириться с тем, что немецкий классический идеализм обосновал революционную идею – идею диалектического развития. Фашистская концепция истории философии не может примириться с тем, что немецкий классический идеализм создал идеи, послужившие теоретическими опорными вехами на пути выработки революционной идеологии пролетариата – марксизма. Маркс наполнил другим содержанием гегелевское понятие о государстве, и таким образом была найдена формула – «диктатура пролетариата». Путем диалектики из монизма Гегеля родился научный социализм [4, 8].

Фашистские «философы» понимают, что недостаточно жечь на кострах неудобные книги и стерилизовать представителей чуждых рас – необходимо какой угодно ценой фальсифицировать всю историю философии. И Шнабель, германский историк, вместе с титулованным фашистским «правоведом» Карлом Шмиттом отрекается от великого прошлого, с глубоким презрением говорит о немецком классическом идеализме и Гегеле только потому, что тот подготовил дорогу Марксу. В этой нелюбви к Гегелю есть своя логика исторически обреченного класса. Беря на себя обязанности похоронить марксизм, могучую теорию революционного рабочего движения, Франц Шнабель и Карл Шмитт третируют Гегеля, выливают на великого мыслителя грязный ушат пустых и злобных ругательств именно потому, что Гегель развил теорию диалектики на идеалистической основе [5, 16].

Но сказанное еще не характеризует полностью отношения фашистов к Гегелю. В «Философии права» Гегель прямо объявил, что абсолютная идея должна осуществиться в ограниченной сословным представительством прусской монархии. Идеологи монополистического капитала не могут отказаться от этих сторон гегелевского наследства [1, 2].

Фашистскую интерпретацию Гегеля можно в общем и главном свести к двум идеям: в-первых, препарирование диалектики на расистский лад и, во-вторых, откровенное использование реакционных взглядов «Философии права» в целях обоснования хищнической, им-

периалистической политики, шовинизма и бешеного наступления на рабочий класс [7].

Фашистская интерпретация Гегеля получила яркое выражение после опубликования его богословских работ, положивших начало откровенно религиозного толкования Гегеля, и именно оно становится наиболее близким, наиболее нужным для духовного возрождения Третьего рейха. Рационалистически-гносеологическое толкование Гегеля в духе неокантианства сходит со сцены. «Философия жизни», то есть иррационализм и интуитивизм, отрицание возможности какого бы то ни было рационального (естественнонаучного) объяснения жизни, сделалась в руках фашистских теоретиков – Эрнста Крика и др. – единственным критерием для оценки Гегеля. Самое «живое» в Гегеле – это религия и мистика [6]. Философия Гегеля оказывается разновидностью иррационализма. Это «доказывается» и исторически, «показом» всего пути от «Канта к Гегелю» как пути от рационализма к иррационализму, это доказывается и в многочисленных монографиях, статьях, брошюрах, специально посвященных Гегелю.

Однако, Гегель был враждебен мистическому интуитивизму. Гегель разошелся с Шеллингом потому, что диалектика Шеллинга была слишком мистична, слишком иррациональна. Гегель дал убийственную критику романтическому иррационализму Шлейермахера. Гегель всегда боролся с субъективным, «плоским», как он его называл, идеализмом, интуитивизмом, с расплывчатостью «философии чувства». Почему обо всем этом молчат философские идеологи? Почему это скрывают? Потому, что в философии Гегеля слишком много потенциальных революционных идей, потому, что с Гегелем (и Фейербахом) заканчивается период восходящего развития буржуазной философии. Фашисты стараются умертвить в нем прогрессивное для его эпохи и увековечить реакционное. Фашистские идеологи ненавидят его за то, что он прочистил дорогу материалистической диалектике, но и отказаться от него они не могут. Поэтому фашисты мошенничают и лгут [4, 7].

Но хотят эти господа или нет, Гегель – диалектик. Скрыть этот факт все-таки сложно. Тогда фашисты выпускают на сцену «неогегельянцев». Гартман недоволен тем, что диалектика внутренней борьбы противоречий у Гегеля имеет объективное значение: Противоречие есть нечто целиком принадлежащее к области мысли и понятий. К противоречию принадлежит речь, следовательно – суждения. Противоречия и суждения могут конечно противоречить друг другу. Но вещи, явления, реальные отношения, строго говоря, – нет. В объективном мире никаких противоречий не существует. То, что в жизни и действительности обозначается в переносном смысле как противоречие, есть на самом деле не противоречие, а несовместимость. Во многих областях действительности можно наблюдать столкновение сил, ударов, тенденций, даже разных закономерностей, но несовместимость их есть реаль-

ное столкновение и отталкивание, которое может принять форму конфликта, даже открытой борьбы. Но это ничего общего с противоречием не имеет [16].

Итак, диалектика, другими словами, возможна только в мысли, и если, несмотря на это, мышление подходит диалектически к реальному миру, то оно извращает знание уже в самом подходе, в самом принципе. Явления противоречивы постольку, поскольку мы их переводим на логический язык, поскольку они берутся в логической транскрипции. Но эта теория уже была подвергнута критике Фридрихом Энгельсом [11].

Фашистское толкование социальной философии Гегеля подготовлено «гештальт-теорией», «универсализмом» Отмара Шпанна, даже «феноменологией» Эдмунда Гуссерля. Целое – есть нечто самостоятельное и истинное, а не часть, не индивид. Целое предшествует индивиду. В социальной теории Шпанна под этим «целым» выступает «народ» как биологически чистое единство, не допускающее никакого расчленения на классы.

Идеологи фашизма, ссылаясь на Гегеля, призывают назад к иррационализму, к мифологии, к средневековой мистике в целях сочетания Гегеля с расовой теорией. Изменяя идею развития, диалектике и примиряясь с жалкой прусской действительностью, Гегель обосновывал наследственные права монарха, сверхъестественность и незыблемость государства, стоящего выше природы, примат государства перед индивидом, необходимость войны вообще, буржуазный национализм, сословный строй, буржуазную собственность, полицейско-бюрократическую машину абсолютизма. Государство, по Гегелю, есть дух, стоящий в мире и реализующийся в нем сознательно, некое земно-божественное существо. Фашистские идеологи хватаются за эти положения Гегеля, выдвигая их на первый план [1, 7].

Единственными факторами развития философии являются «биологические» факторы, говорят фашистские теоретики Гюнтер, Трота и др. Необходимо бороться против привилегий рассудка, логики, точной науки. Мир существует объективно, но он существует постольку, поскольку человек своим существованием преодолевает его, заботится о нем, сомневается в нем, беспокоится о нем, оспаривает его, борется с ним, покоряет его. Это и есть пресловутый «экзистенциализм», «идеализм дела». Мир, оказывается, есть нечто обусловленное деятельностью, волей, делом субъекта. Немецкая философия – это «идеализм дела», само собой «дела» фашистского, контрреволюционного [16].

Немецкая философия стремится быть идеалистической, но без абстракций. «Теоретический человек – это фикция, – пишет Боймлер, – человек – прежде всего политическое, а не мыслящее существо, оно не причастно к какому-то высшему, духовному миру, а активно в самом непосредственном смысле, это – действующее существо. Долой гуманистический идеализм – мы живем не для образования, – а для дела» [12].

Эрнст Крик спешит объявить, что с установлением «фашистской диктатуры» бегство немцев в область теории закончилось. Он говорит: когда-то мы, немцы, бессильные перед действительностью, выражали свою силу главным образом в области теории. Но бегство от действительности в область идеального закончилось, заветы великого немецкого классического идеализма выполнены только в настоящее время. Немецкий идеализм между 1750 и 1850 гг. был точно так же по своей основе обращенным в потустороннее и аполитичным: он стремился в царство чистого духа, царство идеи, гуманности и образования... Можно ли иначе столь же ярко охарактеризовать все бессилие немецкого идеализма, чем этим бегством Гегеля и Гете из действительной истории [6].

Классовую сущность подобного «реализма» разоблачают сами же философствующие штурмовики. «Анти идеализм» вытекает из «принципа» вождя. Не «идеи» должны быть правилами вашего существования, – поучает студентов Мартин Хайдеггер, – но один вождь и только вождь есть теперешняя и будущая немецкая действительность, и ее закон [10].

Люди действуют, но они не знают (и не должны знать, если речь идет о массах), ради чего они действуют. Боймлер цинично предостерегает: совсем не обязательно знать, ради чего надо действовать. Фашисты отбрасывают массы на положение животных. Рассудок развенчан, и теперь оказывается, что и поведение людей должно быть лишено сознательной цели. И все это называется «героическим», «решительным» реализмом.

Но это – для массы, а не для собственного употребление. Вожди фашизма прекрасно знают, ради каких целей они действуют и какова истинная природа их «героического реализма». Это – хищный «реализм» эксплуататоров, готовящих новую бойню, нападение на Советский союз. Это – циничный «реализм» террористической расправы с рабочим классом, это – кровавый «реализм» застенков, провокаций и пыток в отношении рабочего класса.

Хозяева Третьего рейха – Тиссены и Круппы – мало интересуются бесплотным «логическим» духом; когда дело идет о терроре против рабочего класса, их не трогают ни напыщенные заклинания о духе, ни философия чистого разума, ни романтические сентенции об идее и духовности, которые звучат торжественно, но которых никто из них не берет всерьез. «Для решения проблем, которые ставит перед нами наша жизнь, философия Гегеля нам мало может помочь», – пишет Фарснхорст. Гегель, оказывается, несправедливо отнесся к расистскому бреду, и этого фашисты ему не могут простить [14].

По словам Фихте, государство должно быть «ведомо духом и идеей» [9]. Боймлер «поправляет» Фихте. Было бы неpolitично говорить, заявляет он, «о господстве духа и идеи, а не о господстве Адольфа Гитлера и Хорста Весселя». Идея, продолжает он, воплотилась в Гитлера, и далеко не безразлично, как говорят, – Гитлер или идея, ведь Гитлер – зна-

чит больше, чем идея, ибо он действительно существует [12, 13].

Решимость в этой напускной героике есть решимость агонии. Реализм фашистского идеолога, лицемерный и лживый «реализм» – это кровавый «реализм» открытой диктатуры крупного капитала. Когда из-под класса уходит историческая почва, его идеологи прибегают к последнему средству. Вместо истории философии – подтасовывание фактов и уничтожение всего, что было в прошлом прогрессивного. Вместо идеологии – средневековая мистика и расовая психопатология. Это ли история философии? Нет. Это – ложь. Это – фашизм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артамошин С.В. Идейные истоки национал-социализма. Брянск. Изд-во: БГУ им. И.Г. Петровского. 2002. 184 с.
2. Гегель Г. Философия права: [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. Москва : Мир кн. : Лит., 2009. 462 с.
3. Кант И. Критика чистого разума: [перевод с немецкого] / Иммануил Кант. - Москва: Эксмо, 2019. - 782 с.
4. Кирчанов М.В. Методологические проблемы изучения генезиса фашизма // Панаорама. 2014. № 1-3 (8-10). С. 131-144.
5. Котов С.В. Основные парадигмы философии фашизма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4 (35). С. 62-64.
6. Крик Э. Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики / Пер. с нем. А.М. Иванова. М.: Белые альвы, 2004. 434 с.
7. Малых Г.И. К вопросу о становлении идеологии германского фашизма // Культура. Наука. Образование. 2020. № 2 (55). С. 22-27.
8. Саввин А.М. Развитие политической позиции компартии Германии накануне Великой Отечественной войны // История. Историки. Источники. – 2020. – № 4; URL: history2014.esrae.ru/29-277 (дата обращения: 03.12.2020).
9. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации *Reden an die deutsche nation* / И. Г. Фихте ; [пер. с нем. А. А. Иваненко]. Пенза Наука, 2009. 348 с.
10. Хайдеггер М. Немецкие студенты. Речь, произнесенная 3 ноября 1933 года в университете Фрайбурга.
11. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом : перевод с немецкого / Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Москва: URSS. 2015. 482 с.
12. Baeumler A. *Männerbund und Wissenschaft*. Berlin: Junker und Dünnhaupt 1934. 126 S.

13. Baird J. To Die for Germany: Heroes in the Nazi Pantheon. New York: John Wiley & Sons. 1992. 352 p.
14. Heinz A. Scharnhorst, ein General des Fortschritts? GRIN Verlag. 2013. 140 S.
15. Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. Hoheneichen, München 1930. 670 S.
16. Sluga H. Metadiscourse: German Philosophy and National Socialism // Social Research Vol. 56, №. 4, Philosophy and Politics . 1989 pp. 795-818.
17. Schwarz H. Nationalsozialistische Weltanschauung. Berlin : Junker und Dünhaupt, 1933. 111 S.

REFERENCES (transliteration)

1. Artamoshin S.V. Idejnye istoki nacional-socializma. Bryansk. Izd-vo: BGU im. I.G. Petrovskogo. 2002. 184 s.
2. Gegel' G. Filosofiya prava: [per. s nem. B. G. Stolpnera]. Moskva : Mir kn. : Lit., 2009. 462 s.
3. Kant I. Kritika chistogo razuma: [perevod s nemeckogo] / Immanuel Kant. - Moskva: Eksmo, 2019. - 782 s.
4. Kirchanov M.V. Metodologicheskie problemy izucheniya genezisa fashizma // Panorama. 2014. № 1-3 (8-10). S. 131-144.
5. Kotov S.V. Osnovnye paradigmy filosofii fashizma // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. 2007. № 4 (35). S. 62-64.
6. Krik E. Preodolenie idealizma. Osnovy rasovoj pedagogiki / Per. s nem. A.M. Ivanova. M.: Belye al'vy, 2004. 434 s.
7. Malyh G.I. K voprosu o stanovlenii ideologii germanskogo fashizma // Kul'tura. Nauka. Obrazovanie. 2020. № 2 (55). S. 22-27.
8. Savvin A.M. Razvitie politicheskoy pozicii kompartii Germanii nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny // Istoriya. Istoriki. Istochniki. – 2020. – № 4; URL: history2014.esrae.ru/29-277 (data obrashcheniya: 03.12.2020).
9. Fihte I. G. Rechi k nemeckoj nacii Reden an die deutsche nation / I. G. Fihte ; [per. s nem. A. A. Ivanenko]. Penza Nauka, 2009. 348 s.
10. Hajdegger M. Nemeckie studenty. Rech', proiznesennaya 3 noyabrya 1933 goda v universitete Frajburga.
11. Engel's F. Anti-Dyuring: perevorot v nauke, proizvedennyj gospodinom Evgeniem Dyuringom : perevod s nemeckogo / F. Engel's. Izd. 2-e. Moskva: URSS. 2015. 482 s.
12. Baeumler A. Männerbund und Wissenschaft. Berlin: Junker und Dünhaupt 1934. 126

S.

13. Baird J. To Die for Germany: Heroes in the Nazi Pantheon. New York: John Wiley & Sons. 1992. 352 p.

14. Heinz A. Scharnhorst, ein General des Fortschritts? GRIN Verlag. 2013. 140 S.

15. Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. Hoheneichen, München 1930. 670 S.

16. Sluga H. Metadiscourse: German Philosophy and National Socialism // Social Research Vol. 56, №. 4, Philosophy and Politics . 1989 pp. 795-818.

17. Schwarz H. Nationalsozialistische Weltanschauung. Berlin : Junker und Dünhaupt, 1933. 111 S.

Рецензенты:

Мартьянов Н.В. – канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации;

Завьялова А.Н. – канд. культурологии, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.